

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.*

Такое «вопиющее» явление как «необыкновенно» высокая детская смертность продолжала в конце XIX в. привлекать к себе внимание исследователей. К этому времени она уже была признана неотъемлемой частью демографических штудий и самостоятельным предметом анализа при исследовании проблем смертности. К ее изучению подступили научные организации. Так, сотрудники Пермской земской санитарной станции в сборнике работ 1891 г. опубликовали ряд статей на демографические темы, в которых на примере горнозаводского населения края они коснулись и детской смертности.

Р. Рума в статье «Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияние его работ на здоровье рабочих» оперировал по возрастным данным за 1882–1885 гг., распределенными также по полу. Оказалось, что среди жителей Мотовилихинского завода в возрастном промежутке от 0 до 5 лет умирало больше мальчиков, чем девочек. Им также был рассчитан показатель, позволявший оценить вклад смертных случаев определенного возраста в общую смертность под названием: «на 100 умерших приходится по отдельным возрастам». Выяснилось, что самый высокий показатель давала детская смертность (в промежутке 0–5 лет): 69,69 умерших из 100, на все остальные возрасты пришлось лишь 30 умерших из 100¹.

Заслуга Г. Хлопина — автора статьи «Движение населения Кузье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838–1875 г.» заключалась в том, что он, как и его предшественник И. Андржеевский, расширил хронологические рамки, взяв данные метрик не за несколько прошедших лет, а с 1838 по 1875 гг. Однако, если И. Андржеевский суммировал данные за все время наблюдений, то Г. Хлопин, напротив, привел подсчеты отношения смертности от рождения до года к общей за отдельные годы (с 1843 по 1848 и с 1863 по 1867 гг.). В 1840-е гг. вклад детской смертности в общую составлял от 73 % в 1844 г. до 43,9 % в 1843 г., в 1860-е гг. — от 64 % в 1863 г. и до 46,2 % в 1865 г.²

Для более последовательного и полного выявления динамики смертности автор, также как в свое время И. Андржеевский, разбил хронологический ряд на отдельные периоды (в данном случае на восемь пятилетий) и с учетом возраста вычислил средние показатели по каждому пятилетию. Оказалось, что на протяжении всего изучаемого им периода возраст от рождения до года превалировал в общей смертности, достигая показателей на порядок выше, чем в других возрастах. Их значения поднимались далеко за сотню, тогда как в остальных возрастах исчислялись десятками и единицами. Детская смертность в Кузье-Александровском заводе на протяжении четырех пятилетий (с 1838 по 1857 гг.) постепенно возрастала с 191 до 283 случаев в среднем за год, в следующее два пятилетия (1858–1867 гг.) снизилась до 244 случаев, затем в предпоследнем пятилетии (1868–1872 гг.) повысилась до 267, чтобы в последнем пятилетии (1873–1874 гг.) довольно резко понизиться до 130³. Величину смертности детей до года Г. Хлопин сравнил с данными по России, по всей Пермской губернии, по г. Ирбиту, Рождественской и Енапавской волостям (то есть воспользовался уже данными своих коллег, изучавших смертность на Урале) и пришел к заключению, что в Кузье-Александровском заводе она оказалась не просто «громадной», а «далеко превосходила» «все, взятые для сравнения местности Пермской губернии»⁴.

В качестве авторов демографических работ наряду с врачами стали фигурировать священники, для которых основной источник данных — материалы церковного учета были

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 04–06–96059 «Смертность на Урале (XVIII – начало XX вв.)».

достаточно доступны и знакомы. В 1892 г. на страницах издания «Пермский край» появилось исследование священника А. Топоркова, посвященное также горнозаводской тематике — Васильевско-Шайтанскому заводу. Один из его разделов касался демографии, в том числе и детской смертности, и был основан на данных церковного учета за 20-летие с 1870 по 1889 гг. По расчетам автора, данные календарной статистики по годам, комбинируемые с разбиением по полу, также свидетельствуют, что чаще всего (исключением были 1870, 1871, 1875 и 1886 гг.) здесь умирало больше мальчиков, чем девочек. Им был также подсчитан процент детской смертности в общей, который допускал вариации в пределах 76,59 % в 1872 г. до 56,39 % в 1887 г.⁵

На страницах церковного издания «Екатеринбургские епархиальные ведомости» под рубрикой «Материалы по истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда» в 1893–1994 гг. была опубликована серия статей о Сысертском округе: Сысертском, Ползвском и Северском заводах, включивших обязательный демографический раздел. В нем при анализе умерших по полу и возрасту за 1888–1892 гг. выделялся период от рождения до года. Оказалось, что и у жителей Сысертского округа самой высокой была смертность до года (47–48 %) и девочек в младенческом возрасте опять же умирало меньше, чем мальчиков⁶.

В 1898 г. появилось исследование врача Н.Л. Золотавина «Заболевасмость в связи с климатическими и быповыми условиями жизни населения», осуществленное на основе данных о населении бывшего Рождественского завода (Ножовки), которое после закрытие предприятия перешло к сельскохозяйственным занятиям. Одним из достоинств этой работы стало широкое использование графического метода представления материала, в частности диаграмм. С их помощью автор произвел анализ по календарным годам (с 1881 по 1890) в абсолютных цифрах общей смертности со смертностью в отдельных возрастах. И в этом случае график смертности за первый год жизни по сравнению с графиками других возрастов имел самые высокие показатели. Комбинируя повозрастные и сезонные данные, автор устанавливает также хорошо известное соответствие кривой общей смертности с кривой смертности на первом году жизни. Вслед за М.М. Чапнишким и Д.П. Никольским, Н.Л. Золотавин изучал смертные случаи среди детей от поноса и оспы, представив на диаграмме парные графики для возрастных промежутков от рождения до одного года и от одного года до пяти лет. В отличие от своих предшественников Н.Л. Золотавин сделал упор на абсолютные значения календарных показателей за 1881–1890 гг. Он подтвердил наблюдение И. Андржеевского о совпадении кривой смертности на первом году жизни, построенной с учетом распределения по месяцам, с температурной кривой. Правда, в отличие от Андржеевского, Н.Л. Золотавин измерял температуру почвы на глубине одного метра. Сюда же он добавил кривую смертности от поноса, показав ее сходство с первыми двумя кривыми. Диаграммы также свидетельствовали, что сезонная кривая кровавого поноса совпадала, но уже с ходом температуры на поверхности почвы. Это являлось косвенным доказательством причастности обычного и кровавого поносов к существованию высокой детской смертности⁷.

Появившиеся в конце XIX — начале XX вв. «Санитарные обзоры Пермской губернии за ... год» в обязательном порядке включали демографический раздел. В нем начинают публиковать данные по всем уездам губернии о проценте детской смертности. В обзоре за 1901 г. ее максимум наблюдался в Красноуфимском уезде, а минимум — в Камышловском⁸.

В начале XX в. появились исследования, специально посвященные детской смертности. В 1905 г. Уральское медицинское общество в преддверии съезда врачей по борьбе с детской смертностью в Пермской губернии опубликовало в своих «Записках...» статью М. Керстена «О детской смертности». Автор начал с важного для нашей темы раздела «Существующие и желательные методы изучения детской смертности» и признал: «Как известно, правильно организованных методов изучения смертности детей грудного возраста нет...» Выражаясь столь

категорично, он имел ввиду отсутствие в губернии «обязательной карточной системы записи заболеваемости и смертности детей», добавляя, что «по новым формам медицинского отчета требуется с нынешнего (1905) года ведение подобной отчетности больных».

Затем исследователь продемонстрировал различные методы анализа детской смертности. Актуальность ее изучения М. Керстен выявил путем сравнения смертности взрослых и детей в общероссийских данных. Отмечая «крайне» неравномерное распределение детской смертности по отдельным губерниям (12,5 % в Виленской и 47,9 % в Пермской), автор подводит читателя к выводу о чрезвычайной важности данной проблемы для Пермской губернии. Сопоставляя данные по Ирбитскому уезду за 1892–1898 гг. с общегубернскими, он показывает, что положение там было хуже, чем в целом по губернии.

М. Керстен анализирует также повозрастные данные, применяя для возраста до года обычную шкалу: от рождения до трех месяцев, от трех до шести месяцев, от шести до 12 месяцев. Использует он и прием распределения смертных случаев по месяцам года. Для выявления соотношения между рождаемостью и смертностью он обратился к относительному показателю: «количество умерших на 1000 жителей» и сравнил полученные цифры с европейскими данными. Большое значение исследователь придавал выяснению причин детской смертности, составив «ведомости о смертности от заразных болезней и поносов по Ирбитскому уезду с 1896 по 1904 гг.». Широкое применение сравнительного метода помогло автору прийти к масштабным выводам: «Большинство детей в России, как и в других странах, умирает летом от детских поносов. В Ирбитском уезде, как видно из предлагаемых таблиц, составленных по метрическим записям за 9 лет, умерло от простого детского поноса 20650 чел. Самая большая смертность падает на месяцы: июнь, июль, август, сентябрь (страда)»⁹. Квинтэссенция статьи — признание ключевой роли детской смертности в демографической ситуации: «Таким образом, понижение детской смертности есть в тоже время и понижение общей смертности, находящейся в тесной зависимости от первой. Не будь такой высокой смертности детей в возрасте до 5 лет, статистические показатели санитарного состояния населения представлялись бы в совершенно ином виде. По справедливому замечанию И.И. Моллесона — оздоровление России не может иметь места без уменьшения необычной детской смертности!...»¹⁰.

К публикации разработок статистических материалов приступило Уральское отделение Союза борьбы с детской смертностью в России. В отчете за 1908 г. им был издан «Свод статистических данных о родившихся и умерших в приходе Знаменской церкви Бобровского села Ирбитского уезда за время с 1883-го года по 1907-й год включительно», составленный священником И. Бабиным. По мнению Отделения, эти материалы представляли «известный интерес», поскольку относились к «сравнительно большому периоду времени»¹¹. Они были распределены по календарным годам с разбивкой на мужской и женский пол и разнесены по рубрикам: «от 1 дня до 1 месяца», «от 1 месяца до 1 года».

Сведения о детской смертности в «Санитарных обзорах...» стали более разнообразными. В обзоре за 1905 г. были опубликованы *поуездные* данные о случаях смерти детей в три летних месяца (июне, июле, августе) по отношению ко всем умершим в течении первого года жизни¹². С 1908 г. появились сведения о распределении смертности до года по месяцам, а также *поуездные* показатели о проценте детской смертности от рождения до трех месяцев, от трех до шести месяцев, от шести до двенадцати месяцев¹³.

Постепенно дело составления демографических отчетов спускалось на уровень уездных земств. Например, в «Отчете о состоянии земской медицины в Пермском уезде за 1908 г.» по всем волостям и врачебным участкам этого уезда приводились данные об умерших до года и был рассчитан показатель, определявший какое количество смертей до года было в каждой сотне умерших¹⁴. Итогом административной демографической статистики дореволюционно-

го времени стала подготовка Пермского земства к Всероссийской выставке гигиены 1913 г. В пояснительном тексте к экспонатам были опубликованы данные о смертности на первом году жизни за 1894–1910 гг. Для периода с 1891 по 1899 гг. были вычислены поездные значения этого показателя, а для 1901–1910 гг. эти показатели были приведены с разбивкой на более дробные возрастные рубрики: от рождения до месяца, от одного до трех месяцев¹⁵.

Санитарными врачами продолжалась традиция детального изучения демографической обстановке в отдельно взятом населенном пункте. В 1914 г. «Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии» опубликовала исследование А.М. Шагова «Кисловская волость Екатеринбургского уезда (комплексное этнографическое исследование)». По данным церковного учета населения за 1903–1912 гг., этим автором были рассчитаны абсолютные показатели о смертности на первом году жизни, их процент в общей смертности и количество умерших младенцев на тысячу человек. Изучалась им также смертность от отдельных причин, прежде всего детских инфекций: кори, скарлатины, оспы, коклюша¹⁶.

В конце XIX — начале XX вв. детская смертность оставалась в восприятии современников насущной проблемой уральского края. Статистические данные повсеместно и неоднократно подчеркивали ее социальную остроту. Они были удивительно похожими. Все исследователи убеждались в существовании самого большого количества смертных случаев на первом году жизни, в том, что мальчиков в этом возрасте умирало больше, чем девочек, что в течении первого года жизни наблюдалось постепенное снижение числа смертей (однако в форме неустойчивой тенденции), что в летние месяцы (страду) количество детских смертей резко возрастало. В это время по сравнению с 1880-и гг. стали уделять больше внимания изучению статистическими средствами отдельных причин смерти, особенно таких, как летние поносы и инфекции детского возраста: оспа, корь, коклюш, скарлатина. Разработанная система показателей не была манипуляциями «чистой» науки с цифрами, а вскрывала суть этого демографического феномена и намечала меры борьбы с его негативными последствиями. Был сделан важный вывод о ключевой роли детской смертности в существовавшем тогда режиме воспроизводства. Поскольку случаи детских смертей составляли большую часть смертности, то без победы над детской смертностью невозможно ожидать хороших результатов в борьбе со смертностью вообще. Широко распространенные сопоставления с рождаемостью показывало, насколько затратным был тогдашний механизм воспроизводства населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рума Р. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияние его работ на здоровьи рабочих // Сб. работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 20, 23.

² Хлюпин Г. Движение населения Кузье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838–1875 гг. // Сб. работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 293–294.

³ Там же. С. 309.

⁴ Там же. С. 308, 324.

⁵ Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край, Пермь, 1892. Т. 1. С. 189.

⁶ Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 31–34, 43–45, 48, 51–52; 1894. № 6–7, 13–18.

⁷ Золотавин Н.И. Заболеваемость в связи с климатическими и бытовыми условиями жизни населения. СПб., 1898.

⁸ Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1903. С. 3–4.

⁹ Керстен М. О детской смертности // Зап. Уральского медицинского общества. Екатеринбург, 1905. Приложение. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Отчет о деятельности уральского отдела в г. Екатеринбурге за 1908 год. Союз борьбы с детской смертностью в России. Екатеринбург, 1909. С. 72.

¹² Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь, 1907. С. 3–4.

¹³ Санитарный обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь, 1911. С. 4–5.

¹⁴ Отчет о состоянии медицины в Пермском уезде за 1908 год. Пермь, 1909.

¹⁵ Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства к Всероссийской выставке гигиены 1913 г. СПб., С. 6–7.

¹⁶ Шагов А.М. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9.